

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

АЛМА КАТСУ

УПОТРЕБИТЕЛЬ

ЭКМО
МОСКВА

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 29

Alma Katsu
THE TAKER

Copyright © 2011 by Alma Katsu

Катсу, Алма.

К 29 Употребитель / Алма Катсу ; [пер. с англ. Н. А. Сосновской]. — Москва : Эксмо, 2014. — 640 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-75626-1

Темной ночью в больницу маленького городка Сент-Эндрю привозят молодую женщину по имени Ланор. Полицейские, доставившие ее сюда, говорят, что она только что убила в лесу мужчину. Оставив арестованную на попечение доктора Люка Финдли — вся ее одежда в крови, возможно, она ранена, — полиция возвращается на место преступления. Ланор тем временем умоляет Люка отпустить ее, ибо она ни в чем не виновна и то, что она совершила, не было убийством. А затем рассказывает врачу совершенно невероятную историю своей жизни — историю женщины, которая точно знает, что вечная любовь все-таки существует. И вечная ненависть. И вечная боль. Потому что та, кто носит эти чувства в своем сердце — сама Ланор, — тоже вечна...

УДК 82 (1-87)
ББК 84 (7США)

© Сосновская Н., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75626-1

ОТ АВТОРА

Поскольку «Употребитель» — плод фантазии, я не думаю, что читатели станут ожидать исторической достоверности, но один факт свободного обращения с историей я должна упомянуть. В штате Мэн не существует города под названием Сент-Эндрю, но если читатель попытается определить координаты этого вымышленного поселения на основании подсказок, содержащихся в тексте, то он обнаружит, что этот город, если бы он существовал, находился бы там, где в наши дни стоит город Аллагаш. По правде говоря, эта область штата Мэн до шестидесятих годов девятнадцатого века не была заселена. Но акадианское¹ поселение Мадава-ска, расположенное неподалеку, было основано в тысяча семьсот восемьдесят пятом году, поэтому мне показалось, что не будет слишком большим преувеличением приурочить к этому времени основание Чарльзом Сент-Эндрю своего поселения.

¹ Акадианцы (каджуны) — население Акадии, французской колонии в Северной Америке, существовавшей в XVII–XVIII вв.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Треклятый мороз. Облачка пара, срывающиеся с губ Люка Финдли, повисают в воздухе и кажутся твердыми, похожими на замерзшие осиные гнезда, из которых высосан весь кислород. Его руки тяжело лежат на руле. Он клюет носом. Проснулся — и едва успел сесть в машину, чтобы доехать до больницы к началу ночного дежурства. Покрытые снегом поля по обе стороны от дороги при свете луны выглядят призрачно, сугробы кажутся множеством губ, посиневших от обморожения. Снег так глубок, что в нем потонули стебли бурьяна и сухие кусты репейника, обычно обрамляющие поля. Из-за снега окрестности выглядят обманчиво мирно. Люк часто гадает, почему его соседи не уезжают из этого, самого северного, уголка штата Мэн. Одинокие, холодные края, не самые лучшие для фермерства. Полгода — зима, сугробы до самых подоконников, ледяной ветер, гуляющий над опустевшими картофельными полями.

Время от времени кто-то замерзает насмерть. Люк — один из немногих врачей в этих краях,

поэтому он видел немало обмороженных. Пьяница (а их в Сент-Эндрю хоть отбавляй) засыпает в сугробе и к утру превращается в человека-эскимо. Мальчик, катающийся на коньках на замерзшей реке Аллагаш, на тонком льду проваливается под воду. Порой утопленников обнаруживают на полпути до Канады, в месте слияния Аллагаша с рекой Св. Иоанна. Охотник слепнет от белизны снега и не может выбраться из лесной чащобы. Его находят сидящим под деревом, с ружьем на коленях.

«Это был не несчастный случай, — с отвращением сказал Люку шериф Джо Дюшен, когда тело охотника доставили в больницу. — Старина Олли Остергард помереть хотел. Вот так он с собой покончил». Но Люк считает, что это неправда. Будь это так, Остергард выстрелил бы себе в висок. Гипотермия — слишком медленная смерть. Пока замерзаешь, можно и передумать.

Люк въезжает на своем пикапе на пустую автостоянку перед Арустукской окружной больницей, выключает мотор и в который раз дает себе слово уехать из Сент-Эндрю. Нужно только продать родительскую ферму и уехать — вот только он пока не знает куда. Люк по привычке вздыхает, выдергивает ключи из зажигания и направляется к входу в приемный покой.

— Люк, — говорит дежурная медсестра и приветствует его кивком.

Люк на ходу снимает перчатки, вешает парку на вешалку в крошечной ординаторской и возвращается в приемный покой.

— Джо звонил, — говорит Джуди. — Везет к нам какого-то хулигана. Хочет, чтобы ты его осмотрел. Будет с минуты на минуту.

— Шоферюга?

Если речь идет о драке, то чаще всего напиваются в «Голубой луне» и дерутся водители грузовиков лесозаготовительных компаний.

— Нет, — рассеянно отвечает Джуди, не отрывая глаз от монитора компьютера. Голубоватые блики пляшут на стеклах ее бифокальных¹ очков.

Люк кашляет, чтобы привлечь ее внимание:

— Кто же тогда? Кто-то местный?

Люк ужасно устал латать своих соседей. Похоже, в этом суровом городке могут жить только драчуны, пьяницы и неудачники.

Джуди отрывает взгляд от монитора:

— Нет. Это женщина. И не местная.

Это необычно. Полицейские редко привозят в больницу женщин, если только они не стали жертвами преступления. Ну, бывает, привезут жену, которую поколотил муж, а летом какая-нибудь туристка может хватить лишнего в «Голубой луне». Но в это время года — какие туристы?

Это что-то новенькое. Люк берет журнал.

— Хорошо. Что еще у нас нынче? — спрашивает он, а потом рассеянно слушает, как

¹ Бифокальные линзы разделены на две зоны разной рефракции — верхняя часть служит для рассмотрения удаленных предметов, а нижняя — для чтения, что позволяет использовать одни очки вместо двух.

Джуди отчитывается обо всем, что произошло за время предыдущей смены.

Вечер, судя по всему, был напряженным, но сейчас, за два часа до полуночи, в больнице тихо. Люк возвращается в ординаторскую, чтобы там ждать шерифа. Он не в силах вынести очередного рассказа Джуди о приготовлениях к свадьбе ее дочери. Сколько стоят свадебные платья, сколько берут за свои услуги флористы и официанты. «Уж лучше бы женишок ее умыкнул из дома», — однажды сказал Люк Джуди, а она так глаза вытаращила, словно он признался в том, что состоит в террористической организации. «Для девушки свадьба — самый важный день в жизни, — укоризненно проговорила Джуди в ответ. — А в твоём теле — ни одной романтической косточки. Неудивительно, что Тришия с тобой развелась». Люк давно перестал возражать, что не Тришия с ним развелась, а он с ней. Все равно его никто не слушал.

Люк садится на обшарпанную банкетку в ординаторской и пытается отвлечься головоломкой «судоку». Но отвлечься не получается. Лезут мысли о том, как он ехал до больницы, вспоминаются дома, стоящие вдоль пустынных дорог, свет в одиноких окнах. Чем занимаются люди в своих домах в долгие зимние вечера? Люк — земский врач, от него ничего не утаишь. Ему ведомы пороки всех горожан: он знает, кто поколачивает жену, а кто — детишек, кто напиивается в стельку и застревает в сугробе на своем грузовичке, кто страдает хронической депресси-

ей, вызванной плохими урожаями, и не видит перспектив к улучшению. Леса вокруг Сент-Эндрю густые, темные, в них много тайн. Люк вспоминает, почему ему так хочется уехать из этого города. Он устал от того, что знает чужие тайны, и от того, что его тайны известны всем.

А потом приходит другая мысль — она в последнее время приходит ему в голову всякий раз, как только он переступает порог больницы. Его мать умерла не так давно, и он живо вспоминает ту ночь, когда ее перевели в палату, прозванную «хосписом». Таких палат в больнице несколько, там находятся пациенты, чьи дни сочтены, и поэтому их нет смысла переводить в реабилитационный центр в Форт-Кенте. Сердечная функция у матери Кента упала до десяти процентов, и она сражалась за каждый вдох. Ей даже кислородную маску пришлось надеть. Люк сидел с ней в ту ночь один, потому что было поздно и все другие посетители ушли домой. Когда ее сердце остановилось в последний раз, он держал ее за руку. Мать к тому моменту была очень слаба. Она едва заметно шевельнулась, и ее рука обмякла. Она ушла из жизни плавно — словно закат сменился сумерками. Монитор тревожно заверещал, и в палату вбежала дежурная сестра, но Люк выключил сигнализацию и махнул сестре рукой, чтобы та не подходила. Он взял фонендоскоп и проверил пульс и дыхание матери. Она была мертва.

Дежурная сестра спросила, не хочет ли он ненадолго остаться с матерью наедине, и Люк

ответил «да». Большую часть недели он провел рядом с постелью матери в палате интенсивной терапии, и теперь ему было непонятно, как можно просто встать и уйти. Он сидел и сидел, и смотрел в одну точку — но, конечно, не на мертвое тело матери, — и пытался сообразить, что же ему теперь делать. Позвонить родственникам; все они были фермерами и жили в южных штатах... Позвонить отцу Лаймону, настоятелю католической церкви, в которую сам Люк не мог себя заставить ходить... Выбрать гроб... Столько забот. Он знал, что нужно сделать, потому что уже проходил через все это семь месяцев назад, когда умер его отец, но мысль о том, что все это придется пережить снова, вызывала у него тоску. В такие моменты ему не хватало бывшей жены. Тришия была медсестрой, и в тяжелые времена она была просто незаменима. Она никогда не теряла голову, даже горевать умела практично.

Но теперь не стоило тосковать по прежним временам. Теперь Люк был одинок, и ему следовало все дела делать самолично. Он покраснел от смущения, вспомнив, как сильно его мать хотела, чтобы они с Тришией остались вместе, как она отчитывала его за то, что он позволил Тришии уйти. Люк бросил виноватый взгляд на мертвое тело матери.

Ее глаза были открыты. А минуту назад были закрыты. Сердце Люка забилося чаще, хотя он понимал: это ничего не значит. Просто остаточный электрический импульс пробежал

по нервам. Так заглушенный двигатель автомобиля выбрасывает остатки выхлопных газов. Люк протянул руку и опустил веки матери.

Ее глаза открылись во второй раз — так, словно его мать проснулась. Люк чуть было не отпрянул, но сумел совладать с испугом. Нет, не с испугом — с удивлением. Он снова взял фонендоскоп и прижал мембрану к груди матери. Полная тишина — ни тока крови по сосудам, ни шелеста дыхания. Люк сжал запястье матери. Пульса не было. Он посмотрел на часы: прошло пятнадцать минут с того момента, как он констатировал смерть. Люк опустил холодную руку матери, не сводя глаз с ее лица. Он был готов поклясться, что она смотрит на него.

И вдруг ее рука оторвалась от простыни и потянулась к нему. Мать словно бы умоляла взять ее за руку. Люк так и сделал, но тут же отпустил ее руку — она была холодна и безжизненна. Люк вскочил и отошел на пять шагов от кровати. Потирая лоб, он лихорадочно гадал, не галлюцинация ли это. Когда обернулся, мать лежала неподвижно, ее веки были сомкнуты. А у него ком подступил к горлу, он едва мог дышать.

Только через три дня Люк смог заставить себя заговорить об этом с другим врачом. Для разговора он выбрал старого Джона Мюллера, прагматичного терапевта, который, как все знали, поставляет телят на ранчо своему соседу. Мюллер посмотрел на Люка скептически — наверное, решил, что тот был пьян. «Подрагива-

ние пальцев на руках и ногах — такое бывает, — сказал он. — Но через пятнадцать минут после наступления смерти? Мышечно-костные движения? — Мюллер снова придиричиво глянул на Люка. Он словно бы стыдился самого факта, что они говорят об этом. — Тебе это показалось, потому что ты хотел это увидеть. Ты не хотел, чтобы она умирала».

Люк знал, что всё не так. Но с врачами решил больше об этом не заговаривать.

«И потом, — продолжал Мюллер, — какая разница? Допустим, тело дернулось разок-другой. А ты считаешь, что она что-то хотела тебе сказать? Ты веришь в эту дребедень типа жизни после смерти?»

Миновало четыре месяца, но стоило Люку вспомнить об этом, и у него мурашки побежали по коже. Он кладет «судоку» на край стола и начинает массировать голову. Дверь ординаторской приоткрывается, заглядывает Джуди:

— Джо подъехал.

Люк выходит без куртки. Надеется, что мороз прогонит сонливость. Он смотрит, как Дюшен останавливает большой черно-белый универсал с эмблемой штата Мэн на передних дверцах и экономичным проблесковым маячком на крыше. Люк знаком с Дюшеном с детства. Они учились в разных классах, но в школе встречались постоянно. Словом, физиономию Дюшена, похожую на мордочку хорька, его глазки-бусинки и острый нос Люк лицезреет уже двадцать с лишком лет.

Сунув руки под мышки, чтобы не замерзли, Люк смотрит, как Дюшен открывает заднюю дверцу и берет арестованную за руку. Ему любопытно увидеть задержанную женщину. Он представляет себе здоровенную, мужеподобную байкершу, краснолицую, с разбитой губой, и с удивлением видит, как из машины выходит хрупкая молодая женщина. А может быть, девушка-подросток. Тоненькая, как мальчишка, но хорошенькая, с густыми соломенно-желтыми кудряшками. «Волосы у нее, как у ангела», — думает Люк.

Глядя на эту женщину (девочку?), Люк ощущает странное покалывание в глазах. Его сердце начинает биться чаще. Он словно бы узнает ее. «Я тебя знаю», — думает он. Он знает не ее имя, а что-то более важное о ней. Но что? Люк прищуривается, разглядывает девушку более пристально. «Может быть, я ее видел раньше? — думает он. — Нет, я ошибаюсь».

Дюшен придерживает арестованную под локоть. Ее руки скованы пластиковыми наручниками. Подъезжает вторая полицейская машина, из которой выходит Клей Хендерсон и ведет арестованную в приемный покой. Они проходят мимо Люка, и он видит, что блузка на девушке влажная. От черного пятна исходит знакомый запах железа и соли. Запах крови.

Дюшен останавливается рядом с Люком и кивком указывает на Хендерсона и арестованную девушку:

— Мы ее вот в таком виде задержали. Шла по дороге, по которой лес возят в Форт-Кент.

— Без пальто?

Раздетая — в такую погоду? Не могла же она долго находиться на морозе.

— Говорю же — без всякого пальто. Мне надо, чтобы ты посмотрел, не ранена ли она, и сказал, можно ли ее отвезти в участок и посадить под замок.

Люк всегда подозревал, что Дюшен, как многие сотрудники правоохранительных органов, занимается рукоприкладством. Очень часто к нему доставляли пьяных с шишками на голове и синяками на физиономии. А эта девушка — почти ребенок. Что такого она могла натворить?

— С какой стати она арестована? За то, что ходит в мороз без пальто?

Дюшен гневно зыркает на Люка. Он не привык, чтобы над ним подшучивали.

— Эта девчонка — убийца. Она нам сказала, что заколола человека насмерть и бросила его труп в лесу.

Люк приступает к осмотру арестованной девушки, но думать ему мешает странная пульсация в голове. Он светит тонким фонариком в глаза девушки, чтобы увидеть, не расширены ли зрачки. Глаза у нее светло-голубые, настолько светлые, что похожи на осколки льда. Кожа на ощупь липкая, пульс медленный, дыхание неровное.